

Librarium

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ПИСЬМО
В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

РИПОЛ КЛАССИК

Librarium

Марина Цветаева

Письмо в бесконечность

«РИПОЛ Классик»

1908–1941

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Цветаева М. И.

Письмо в бесконечность / М. И. Цветаева — «РИПОЛ Классик»,
1908–1941 — (Librarium)

ISBN 978-5-386-14205-6

Невероятная красота слова, бесстрашная искренность, страстность и глубокий трагизм отличают творчество русской поэтессы М. И. Цветаевой. Стихотворения и поэмы, собранные в данном издании, давно вошли в сокровищницу русской литературы. Безусловно, талантливые и самобытные произведения Марины Цветаевой не оставляют прежними тех, кто их хоть раз прочитал.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-386-14205-6

© Цветаева М. И., 1908–1941
© РИПОЛ Классик, 1908–1941

Содержание

Жизнь, разбитая вдребезги	6
Стихотворения	16
Книги в красном переплете	16
Следующей	18
Зимой	19
В Париже	20
Молитва	21
«Мы с тобою лишь два отголоска...»	22
Кошки	23
Душа и имя	24
«Ах, золотые деньки!..»	25
Домики старой москвы	26
«Моим стихам, написанным так рано...»	27
«Идешь, на меня похожий...»	28
«Вы, идущие мимо меня...»	29
«Мальчиком, бегущим резво...»	30
«Я сейчас лежу ничком...»	31
«Идите же! – мой голос нем...»	32
«Стать тем, что никому не мило...»	33
Генералам двенадцатого года	35
«Над Феодосией угас...»	37
«Я с вызовом ношу его кольцо!..»	38
Бабушке	39
«Осыпались листья над вашей могилой...»	40
Анне Ахматовой	41
«Мне нравится, что вы больны не мной...»	42
«Милый друг, ушедший дальше, чем за море!..»	43
«Спят трещотки и псы соседовы...»	44
«Заповедей не блюла, не ходила к причастью...»	45
«Два солнца стынут – о Господи, пощади!..»	46
«Цыганская страсть разлуки!..»	47
«Никто ничего не отнял...»	48
«Ты запрокидываешь голову...»	49
«Откуда такая нежность?..»	50
«Четвертый год...»	51
«За девками доглядывать, не скис...»	52
Стихи о Москве	53
«Красною кистью...»	58
«Коли милым назову – не соскучишься...»	59
«Веселись, душа, пей и ешь!..»	60
Бессонница	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Марина Цветаева

Письмо в бесконечность

РИПОЛ
КЛАССИК

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

Жизнь, разбитая вдребезги

Я пою и я ничья.

Марина Цветаева

Жизнь каждого творческого человека самым тесным образом переплетается с его произведениями.

Жизнь поэта – особенно.

Марина Цветаева родилась в семье профессора Московского университета Ивана Владимировича Цветаева в 1892 году. В четырнадцать лет она и ее младшая сестра Анастасия потеряли мать, сгоревшую от чахотки – весьма распространенного заболевания той поры.

Одиночество, в котором оказалась талантливая девушка, усугубило трагический склад ее натуры. И возможно, во многом определило ее последующую жизнь.

В те юные годы Марина не представляла всей величины личности своего отца, дважды овдовевшего, целиком погруженного в свои бесчисленные обязанности: профессорские – в университете, директорские – в Румянцевском музее, в главное дело его жизни – строительство и организацию знаменитого Музея изобразительных искусств на Волхонке, в который и сейчас стремятся попасть тысячи и тысячи любителей живописи.

Вот таким был духовный пример и фундамент одного из самых ярких поэтов.

Марина выросла на классической русской литературе, много читала французских и немецких авторов, благо владела этими языками свободно.

Дом профессора Цветаева был пронизан духом древней Эллады и античного Рима.

Писать стихи она начала очень рано, уже в пять-шесть лет. Были у нее и незаурядные музыкальные способности, унаследованные от матери – талантливой пианистки.

Девочка росла свободно, без всякого принуждения, целиком погруженная в свой выдуманный, воображаемый мир, который потом так ярко отразится в ее стихах.

«Это была ученица совершенно особого склада, – вспоминала одна из ее одноклассниц. – Не шла к ней ни гимназическая форма, ни тесная школьная парта... И гимназию Цветаева посещала с перерывами: ходит несколько дней, и опять ее нет... Она неизменно читала или что-то писала на уроках, явно безразличная к тому, что происходит в классе, только изредка вдруг приподнимет голову, услышав что-то стоящее внимания, иногда сделает какое-нибудь замечание и снова погрузится в чтение».

Марина Цветаева готовила в это время свою первую книгу. Отобрала сто одиннадцать (!) стихотворений, разделила на три части: «Детство», «Любовь», «Только тени».

Книга называлась «Вечерний альбом».

В одном из стихотворений – «Молитва», написанном Цветаевой в день семнадцатилетия, уже ясно виден будущий великий поэт.

*Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.
Ты мудрый, ты не скажешь строго:
– «Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!
...
Люблю и крест, и шелк, и каски,*

*Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучшие сказки,
И дай мне смерть – в семнадцать лет!*

Впоследствии из некоторых стихов «Вечернего альбома», как из зарисовок, вырастет не одна тема зрелой Цветаевой. Так, стихотворение «Связь через сны» – предтеча цикла «Сон». Из стихотворения «Плохое оправдание» – целая россыпь стихов, циклы «Бессонница», «Час души».

В конце октября 1910 года сборник вышел в свет в типографии А. И. Мамонтова, что в Леонтьевском переулке.

«Вечерний альбом» Марина Цветаева послала на отзыв Валерию Брюсову – одному из кумиров тогдашней поэтической молодежи.

Маститый поэт ответил в печати, достаточно небрежно и высокомерно, вполне в своем духе и в общем духе того циничного времени.

Однако этот отзыв только подстегнул молодую поэтессу и утвердил в мысли: прежде всего, оставаться самой собой – в литературе, да и, наверное, в жизни. Невзирая ни на что.

Послала она свой первый поэтический опыт и Максимилиану Волошину. И неожиданно получила горячую поддержку. Вскоре в московской газете «Утро России» появилась его статья «Женская поэзия», в которой большая часть отводилась самым теплым оценкам творчества юной Цветаевой.

Пожалуй, мало кому в то время удалось постичь так, как Волошину, суть и значение первой книги Марины, в которой, как в капле воды, отражался будущий океан поэзии и чувств...

Именно в доме Волошина, в Коктебеле, Цветаева знакомится в мае 1911 года с семнадцатилетним Сергеем Эфроном. Любовь с первого взгляда – на всю короткую жизнь.

Внешность его вполне романтическая, огромные глаза «цвета моря», как скажет Марина. Ему пришлось многое пережить, он болен распространенным в то время туберкулезом, и от этого нервен и чувствителен. Их связали не только нежность и искренняя дружба, но и единомыслие.

Он литературно одарен. В то время, когда она готовит к печати книгу стихов «Волшебный фонарь», он – книгу прозы «Детство». В последней главе этой книги – «Волшебнице» – Эфрон нарисовал портрет Мары – любимой Марины.

К сожалению, впоследствии его несомненный большой талант будет разменян в бурные годы войн и революций и подавлен присутствием рядом великого поэта...

В это время Марина увлечена литературной жизнью. Вместе с сестрой Анастасией – Асей она выступает на вечере, устроенном Брюсовым в «Обществе свободной эстетики», в различных конкурсах, тоже организованных им, и везде оказывается в лидерах.

27 января 1912 года в Москве Марина и Сергей обвенчались. Она взяла, как и положено, фамилию мужа, стала Эфрон, и они отправились в свадебное путешествие по Италии, Франции и Германии.

Стали появляться отклики в печати на «Волшебный фонарь». Марина пишет: «Прочла рецензию в Аполлоне (литературный журнал. – Ю. К.) о моем втором сборнике. Интересно, что меня ругали пока только Городецкий и Гумилев...»

Цветаева пришла в русскую поэзию, когда за символистами: В. Брюсовым, А. Белым, Вяч. Ивановым – появились акмеисты: Н. Гумилев, С. Городецкий и их «Цех поэтов». В это же время в литературную жизнь России ворвались футуристы: В. Маяковский, В. Хлебников.

Удивительно, но так любимый Цветаевой Брюсов не оценил достоинств «Волшебного фонаря». «Пять-шесть истинно поэтических красивых стихотворений тонут в ее книге в волнах чисто альбомных стихов, которые если кому интересны, то только ее добрым знакомым», – писал мэтр символизма.

Однако Марину все это не слишком волновало. Она никогда не хотела присоединяться к каким-либо течениям. И впоследствии часто утверждала, что литератором так никогда и не сделалась (!).

5 сентября 1912 года у Цветаевой родилась дочь Ариадна – Аля, «под звон колоколов», как пишет Марина.

В этом же, 1912 году вышла первая книга Анны Ахматовой «Вечер». Цветаева тут же прочла ее. Книга открывалась предисловием М. Кузмина – одного из апологетов акмеизма. Подчеркивая тонкую поэтичность Ахматовой, Кузмин сравнивал ее с другими поэтами, в том числе с Цветаевой, которая, по его словам, ищет поэзию «в иронизирующем описании интимной, несколько демонстративно-обыденной жизни».

Ранняя лирика Цветаевой – дневник ее души. В стихах той поры она запечатлевает всех, кто ее окружает, кого она любит, что ненавидит; она с буквальной летописца слагает свою жизнь, смакуя и переживая ее, словно предчувствуя ее трагический конец.

Отсюда берет истоки смысл всего последующего творчества великого поэта Марины Цветаевой – стирать грань между реальной жизнью и поэзией, делать жизнь частью литературы, смешивать их.

Не в этом ли суровом противоречии, в выпадении из жизни – разгадка чудовищного, трагического конца?

Начало Первой мировой войны странным образом совпало с роковой встречей Марины Цветаевой и поэтессы Софьи Парною Она была старше Марины на семь лет, склонна, как сейчас говорят, к нетрадиционной сексуальной ориентации и оказала огромное влияние на Цветаеву и как на поэта, и как на личность.

У Марины смешались чувства к утраченной в детстве матери, к старшей «подруге» и выдуманные, нафантазированные экзальтированные переживания.

А кроме того, она безоглядно, платонически влюбляется в Анну Ахматову, влюбившись вначале в ее «роковой» образ и стихи:

*В утренний сонный час,
– Кажется, четверть пятого, —
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.*

Впрочем, меньше всего Марина думала о мнении окружающих. Она везде была сама собой, независимая, раскрепощенная и – отдельная.

Сергей Эфрон ушел на фронт. Очень рано постигла Марина «науку расставания». Разлука с мужем, который ей был дороже всех в мире, усиливала боль ее души.

*Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть, —*

пишет она в ту пору. Вскоре она порывает с Парною Она взрослеет – и как человек, и как поэт.

В 1916 году в Петрограде Марина Цветаева встречается с поэтом, который буквально потряс ее своим талантом и личностью. Через двадцать лет в эссе-реквиеме Михаилу Кузмину «Нездешний вечер» она воздаст должное этому замечательному поэту.

Там же, в Питере, она вновь, после Коктебеля, встречает Мандельштама. Окончательно завязывается их нежная, искренняя и преданная поэтическая дружба.

Ты запрокидываешь голову

*Затем, что ты – гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!*

Была еще одна знаковая, обжигающая встреча – с тридцатилетним поэтом Тихоном Чурилиным, родом из Тамбова, из купеческой семьи.

«Был Тихон Чурилин, – пишет в дневнике Марина, – и мы не знали, что есть Тихон Чурилин, до марта 1916 года».

Стихи Чурилина были вполне в духе времени: ночь, мрак, холод и, конечно, смерть. Стихи этого «гениального поэта», как называла его Цветаева, будут перекликаться с ее собственными.

Но был в ее душе и «мечтанный» Александр Блок. Весной того же, 16-го года она написала:

*Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке,
Одно единственное движение губ.
Имя твое – пять букв...*

Вскоре она вновь пишет несколько стихотворений, обращенных к Блоку. Она хочет прославлять любимого поэта: «Женщине – лукавить, царю – править, Мне – славить Имя твое».

*Но моя река – да с твоей рекой,
Но моя рука – да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря – зари.*

В этих обращениях очень ярко проявляется сама суть поэзии Цветаевой – придуманный, идеальный мир, с бесплотными символами, весь – в аллюзиях и эмоциях, насквозь литературный, искусственный, но – парадокс – от этого не менее живой. Просто это – Другой мир. Может, даже Потусторонний.

Именно тогда, в роковом 16-м году, в поэзии Цветаевой так отчетливо, так громко зазвучал мотив Смерти Поэта.

Поэт, убитый Жизнью. Какого поэта не убили? – скажет Марина много лет спустя.

Одно из лучших ее стихотворений той поры заканчивается пророчески:

*А этот колокол там, что кремлевских тяжёле,
Безостановочно ходит и ходит в груди, —
Это – кто знает? – не знаю, – быть может, —
должно быть —
Мне загоститься не дать на российской земле!*

Стихи Цветаевой печатаются в Москве и Петрограде в соседстве с Брюсовым, Ахматовой, Кузминым, Мандельштамом. Она становится известным в России поэтом. И она целиком отдается любимому делу – и на бумаге, и в душе...

Тогда же, на исходе 16-го, появляются стихи Марины, которые и сейчас – и, наверное, уже навсегда – не оставят равнодушными:

Я бы хотела жить с Вами

*В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.
Немаленькой деревенской гостинице —
Тонкий звон
Старинных часов – как капелька времени...
И большие тюльпаны на окнах...
И, может быть, Вы бы даже меня не любили...*

«Версты» – называется вышедшая в 1922 году книга стихов 16-го года, куда вошло в основном все написанное той Цветаевой, которую мы сейчас знаем и любим.

Тем временем, в России – Февральская революция. Марина, словно предчувствуя трагедию, которая разыграется в июле 1918 года в Екатеринбурге, пишет пророчески:

*Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка – Алексия!*

Спустя двадцать лет она напишет «Поэму о Царской Семье».

13 апреля 1917 года у Цветаевой родилась дочь Ирина. Она больше похожа на отца – Сергея Эфрона, с его огромными библейскими глазами. Марина вначале хотела назвать ее Анной, в честь Ахматовой. «Но ведь судьбы не повторяются!» – записала она в тетради.

Нет, не зря, не случайно появляются у Цветаевой строки:

*С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь!*

Все эти годы войны и революции Марина видится с мужем редко, урывками. Он чуть не погиб в столкновениях во время Октябрьского переворота в Москве.

18 января 1918 года они виделись в последний раз перед более чем четырехлетней разлукой. Из Москвы Сергей Эфрон уехал в Ростов, где формировалась Добровольческая армия.

В это время Цветаева стала «плакальщицей» «лебединого стана» (так впоследствии будет называться книга ее стихов). Добровольчество олицетворялось для нее в образе мужа, «рыцаря без страха и упрека». «Добровольчество – это добрая воля к смерти», «Белая гвардия, путь твой высок: Черному дулу – грудь и висок...»

Несмотря ни на что, Цветаева продолжает много писать, участвует в литературной жизни Москвы, общается с Вяч. Ивановым, Андреем Белым, Алексеем Толстым, Константином Бальмонтом, Ильей Эренбургом, Павлом Антокольским, Владимиром Маяковским.

*Мракобесие. – Смерч. – Содом.
Берегите Гнездо и Дом, —*

пишет она в то время.

Именно к периоду революции и Гражданской войны относится недолгое увлечение Цветаевой театром. Видимо, она искала утешение в уходе от страшной действительности.

Первый шаг был сделан осенью 18-го в маленькой пьесе «Червонный валет». Драма Блока «Роза и крест» – напрашивается в аналоги ей. Вторая пьеса – «Метель». Третья – «Приключение» – о легендарном Казанове. Потом – «Фортуна», «Каменный Ангел» и «Конец Казановы».

Все это были попытки преодолеть разоренный, нищий быт, тревогу за мужа, ушедшего с Белой армией в неизвестность. И однажды, вконец отчаявшись:

«Я одну секунду было совершенно серьезно – с надеждой – поглядела на крюк в столовой.
– Как просто! —

Я испытывала самый настоящий соблазн».

Положение было настолько тяжелым, что ей пришлось поместить дочерей Алю и Ирину в приют. Это привело к трагедии: в середине февраля 19-го года Ирина ушла от голода...

И вот – о чудо! – Марина узнает, что Сергей Эфрон жив: она получила от него первую весть. Его отыскал в Константинополе Илья Эренбург.

«С сегодняшнего дня – жизнь, – записывает в тетради Цветаева. – Впервые живу».

А через месяц после вести радостной пришла весть тяжелая: умер Александр Блок.

Цветаева пишет: «Удивительно не то, что он умер, а то, что он жил... Смерть Блока я чувствую как Вознесение».

«Рвусь к Сереже», – пишет она в письмах к знакомым и к Анне Ахматовой. У нее появилась цель, воля к жизни. Писала ей и о своем впечатлении от выступления в «Кафе Поэтов» Владимира Маяковского.

Он вызвал в ней живой интерес еще с зимы 1918 года, когда она услышала в его чтении поэму «Человек». И с тех пор с большой симпатией наблюдала за его поэтическим ростом. Цветаева была убеждена, что между настоящими поэтами существует прочная, невидимая, духовная связь...

Принимая решение ехать к мужу, за границу, Марина испытывает страшные муки – от безденежья, нищеты, невозможности собрать значительные средства на поездку. И – как еще сложится там, вдали от Родины?

«Примут за нищую и погонят обратно – тогда я удавлюсь», – пишет она в отчаянии.

Но все обходится довольно благополучно. Помог поэт Юргис Балтрушайтис, ее хороший знакомый, который служил тогда послом Литвы в России.

С Сергеем Эфроном Мария и Аля живут некоторое время в Берлине, который в то время называли «русским». Помимо русских магазинов, ресторанов и парикмахерских, было немало газет и издательств. В помещении кафе на Курфюрстенштрассе, 75 открылся «Дом Искусств», там часто выступали поэты и писатели: и эмигранты, и те, кто ненадолго приехал из Советской России – Алексей Толстой, Владислав Ходасевич, Илья Эренбург, Виктор Шкловский, Андрей Белый.

Благодаря поддержке Эренбурга, Марина сразу же издала две книги: «Стихи к Блоку» и «Разлука».

Интересно, что однажды она выступила на вечере в Доме искусств, где читала стихи Маяковского. И перевела на французский его стихотворение «Сволочи».

Воссоединение с мужем вновь резко изменило ее жизнь. К ней возвратилась ее душа, душа поэта. Она вновь почувствовала себя свободной.

К тому времени в Москве вышла вторым изданием книга Цветаевой «Версты» со стихами 17-20-го годов. Эта книга попала в руки Борису Пастернаку. В тот же день он отправил в Берлин свою книгу «Сестра моя – жизнь» с дарственной надписью.

И началась великая эпистолярная дружба между двумя замечательными русскими поэтами, не имеющая аналогов...

«Пастернак и Маяковский, – пишет она. – Нет, Пастернак страшней. Одним его „Посланием“ с головой покрыты все 150 миллионов Маяковского».

Это ей принадлежит гениальный портрет Пастернака: он похож сразу на араба и на его коня...

Обстоятельства сложились так, что надо было все-таки переезжать в Чехию. В Праге учился Сергей Эфрон, учился, получая стипендию, что было немаловажно.

Однако жизнь складывалась довольно беспорядочно. Переезд из одной деревни в другую, смена одних первобытных условий на другие – таковы три с лишним года в Чехии.

И все же Марина остается на виду русской эмигрантской литературной жизни. Она активно печатается в берлинских, рижских, пражских, парижских издательствах. Когда в Берлине вышла поэма «Царь-девица», тут же появились благожелательные отклики.

В пражском издательстве «Пламя» в 1924 году вышла ее «лютая» поэма «Молодец» – на сюжет сказки Афанасьева «Упырь». В ней – задатки будущих замечательных произведений: «Поэмы Конца», «Крысолова», трагедии «Тезей» («Ариадна»), «Федра».

Жизнь в тихой Чехии была обманчива. Да, по-прежнему Цветаева жила творчеством, много писала – и стихов, и писем, – но уже наметился в ее душе надрыв.

«Я сейчас на резком повороте жизни... – пишет она издателю Бахраху. – Воздух, которым я дышу, – воздух трагедии... У меня сейчас определенное чувство кануна – или конца... Я ни в одну форму не умещаюсь – даже в наипросторнейшую своих стихов! Не могу жить. Все не как у людей...»

Все сошлось. Муж, отношения с которым всегда были особые, дочь – взрослеющая и все меньше ее понимающая, литературная жизнь – далекая и недоступная, нищета, боль и... роковая страсть. Константин Болеславович Родзевич. Антипод Сергея Эфрона, хотя внешне во многом и повторивший его путь: из добровольцев – в эмиграцию.

Все многочисленные «романы» Марины до той поры были, как правило, не только платонические, но и... нафантазированные, литературные.

А здесь, впервые, – такое земное чувство.

«Я люблю другого – проще, грубее и правдивее не скажешь...»

Это была настоящая буря чувств – мощная, по-цветаевски безоглядная, бескрайняя.

Читать и сегодня ее письма к Родзевичу – непросто, требуется большая душевная сила. Как это часто бывает в реальной жизни – предмет обожания не вполне соответствовал придуманному образу. Но именно он впервые в те тяжелые для нее годы призвал ее к жизни, а не к смерти.

Роман имел последствия. Эфрон, узнав о нем, объявил Марине о своем решении развестись. Пожалуй, он также, впервые, почувствовал реальную, земную подоплеку этого чувства.

Не расстанусь! – Конца нет!» – И льнет, и льнет...

А в груди – нарастание

Грозных вод,

Нот... Надежное: как таинство

Непреложное: рас – станемся!

«М[арина] рвется к смерти. Земля давно ушла из-под ее ног», – писал Сергей Эфрон Максимилиану Волошину. И продолжал: «М[арина] – человек страстей... Отдаваться с головой своему урагану – для нее стало необходимостью, воздухом ее жизни. Кто является возбудителем этого урагана сейчас – неважно. Почти всегда... все строится на самообмане. Человек выдумывается, и ураган начался. Если ничтожество и ограниченность возбудителя урагана обнаруживается скоро, М[арина] предается ураганному же отчаянию...»

Она решается на разрыв с Родзевичем. «Поэма Расставания» – так хочет она назвать свою новую вещь.

Как всегда, у Цветаевой муки душевные преобразуются в муки творчества, в новый невероятный подъем. «Поэма Горы», «Поэма Конца». Она продолжает переписку с Пастернаком.

Именно он помог напечатать в России несколько стихотворений Цветаевой, в том числе обращенное к нему: «В час, когда мой милый брат...» Никто, кроме него, не захотел или не осмелился это сделать.

За границей же Цветаеву печатали почти все известные газеты и журналы. И все же в творчестве ее явно наметился спад, усталость. Все это усугубляется тяжелым бытом.

И вот... в начале февраля 1925 года у нее рождается долгожданный сын. Он – весь в Марину. Эфрон так и называет его – «маленький Марин Цветаев», по его же просьбе ребенку дают имя Георгий. А домашние будут звать его Мур.

На какое-то время Мур занимает ее всю, кроме творчества, конечно. Сын поддержал в ней желание жить.

Цветаева пишет «Крысолова», на мотив известной немецкой сказки.

Поздней осенью 25-го года она с детьми переезжает в Париж, который, как и Прага, встретил их бедностью. «Столица мира» поразила Марину не столько поверхностным блеском и красотой, сколько «дном», трущобами, в которых им пришлось жить. Вскоре к ним присоединяется Сергей Эфрон.

Одна отрада – русский Париж восторженно принял Цветаеву. Вечера, встречи, публикации. И вместе с этим – критические отзывы недоброжелателей, зависть.

Общение с Пастернаком дало возможность начать уникальную переписку: Марины, Бориса – и Райнера Марии Рильке. Это была переключка трех гениев, поэтов-лириков.

Внешняя жизнь, простая и без событий, с лихвой компенсировалась жизнью внутренней. Конечно, Марина вновь «влюбилась» – в Рильке, иначе она не могла. И если Пастернаку она писала как «брату», то в письмах Райнеру Марии она вновь воспламенила все свои чувства.

Переписка постепенно заглохла, вначале из-за размолвок с Пастернаком. А в 1926 году умер Рильке.

В 28-м году, в Париже, состоялась встреча Цветаевой и Маяковского. Она подарила ему свою книгу с надписью: «Такому, как я, – быстроногому!»

И два года спустя, откликнувшись на смерть Маяковского, она пишет: «Величайший поэт революции (слова газеты) – и влюбленный самоубийца – два взаимоисключающих начала, два существа, столкнувшись между собой, дали „короткое замыкание“...»

Отъезд в Россию, в Советскую Россию, морально подготавливался годами. Сергей Эфрон не только мечтал о возвращении, но и не сомневался в нем. Мур буквально бредил Россией, читал советские детские книги, не любил французов.

Сама Цветаева писала: «Моя неудача в эмиграции – в том, что я не – эмигрант, что я по духу, т. е. по воздуху и по размаху – там, туда, оттуда».

И в то же время: «Не в Россию же мне ехать?! где меня (на радостях!)... укутут... Я там не уцелею».

В это же время, в 31-м году, Сергей Эфрон хлопочет о советском гражданстве.

Все острее чувствовала Цветаева нелюбовь к себе эмиграции. В России жила сестра Анастасия, которая остаток жизни посвятит памяти Марины.

Цветаева пишет: «Чувствую, что моя жизнь переламывается пополам и что это ее – последний конец».

Показательно, что именно в эти последние годы во Франции, накануне мучительного отъезда в Россию, она пишет эссе «Мой Пушкин». Пушкина она переводит на французский, Пушкин для нее – вечно живой, осязаемый, так же, как Пастернак или Маяковский, ее первая поэтическая любовь...

Вначале в Москву уезжает Аля – навстречу «светлому будущему», в которое она так верила. Она никогда в дальнейшем не жалела об этом поступке, даже побывав в заключении в советском лагере и в ссылке.

На колеблющуюся Марину сильно повлияла Всемирная выставка 1937 года в Париже, посещение советского павильона. Как человек впечатлительный, влюбчивый, она стала более спокойно и определенно относиться к предстоящему переезду в СССР. Не могли не повлиять на нее и настроения мужа, и посещение коммунистических собраний и демонстраций Народного фронта...

Однако жизнь вскоре преподнесет сюрприз: Сергей Эфрон, как оказалось, был замешан в «деле Рейсса» – резидента советской разведки, убитого на шоссе под Лозанной.

Цветаева ничего не знала об этой деятельности мужа. Думается, что Эфрон, желая «искупить» свою вину перед новой, большевистской Россией, желая вернуться в нее обновленным, нужным ей человеком, совершил такой экстравагантный поступок. Хотя, впрочем, страсть к игре, к авантюрам жили в нем всегда.

Эфрону придется бежать, тайно покинуть Францию. Марина долго не будет ничего знать о нем. А Эфрон уже поселится в Москве – инкогнито, под фамилией Андреев...

12 июня 1939 года Цветаева вместе с Муром отправятся на пароходе вместе с испанскими беженцами из Гавра в Ленинград. «Сейчас уже не тяжело, сейчас уже – судьба».

По прибытии она узнает, что сестра Анастасия арестована еще в сентябре 1937 года.

Первым прибежищем семьи Цветаевой и Эфрона в Советской России стала дача НКВД под Москвой.

Но близость к «органам» оказывается роковой – вскоре арестовывают Ариадну. А затем пришел черед и Сергея Эфрона.

Марина с Муром в отчаянии бегут в Москву, к сестре Сергея – Елизавете. Как родственники «врагов народа», они оказались в вакууме – такова была тогдашняя действительность.

Цветаева пишет Александру Фадееву – руководителю Союза советских писателей. В результате она с Муром поселяется при Доме творчества в поселке Голицыне, где у них появляется возможность обедать и ужинать в столовой. Им сняли в избе часть комнаты, отгороженную фанерной перегородкой. Электричества нет. Быт – допотопный и убогий. Словно опять она сошла на круг ада 18—21-го годов...

У Марины наконец появилась переводческая работа. В этом ей помог Борис Пастернак.

Переводы были не только средством к существованию, но и забытием от реальности. Она жила, словно втянув голову в плечи, ежедневно боясь ареста. И писала письма, прошения в НКВД, Берии, Фадееву. В пустоту...

«У меня нет друзей, а без них – гибель».

Они с Муром переезжают в Москву. Через какое-то время жизнь приобретает некоторую устойчивость, даже образуется определенный круг знакомых. Ее заинтересовывает молодой поэт Арсений Тарковский. Известные молодые советские поэты Кирсанов и Сельвинский очень хвалят стихи Цветаевой.

...Началась Великая Отечественная война. С группой литераторов Цветаева отправляется в эвакуацию в Елабугу. Страдания, которые она испытала в последние дни своей жизни, не поддаются описанию.

Приняв роковое решение, она больше всего беспокоится о Муре. Пишет лихорадочные письма, заботясь о его судьбе, прося прощения у всех и у него.

«Мурлыга! Прости меня но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але – если увидишь, – что любила их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик».

Великая поэтесса Серебряного века русской поэзии, так не похожая ни на кого ни в творчестве, ни в жизни, ушла навсегда – в горние выси, ушла, чтобы остаться навечно с нами...

Роковое совпадение: повесилась Марина на той веревке, что дал ей Пастернак, чтобы обязать чемодан...

И после ее ухода жизнь продолжала издеваться над ее близкими. В октябре того же, страшного 41-го года расстреляли Сергея Эфрона.

Аля, находившаяся в лагере, не сразу узнала о смерти родителей. Всего два года – с 47-го по 49-й – она была на свободе, преподавала в Рязанском художественном институте. Вновь ее арестовали в феврале 49-го, приговорили к пожизненной ссылке.

В 1955 году Ариадна Эфрон была реабилитирована и вернулась в Москву. Всю жизнь она посвятит творчеству и памяти матери, станет хранительницей ее архива. Умерла она в 1975 году в милой сердцу всех Цветаевых Тарусе.

Георгий – Мур – оказался после смерти матери совершенно один. Жил в эвакуации в Ташкенте в нищете и голоде, но не прекращал литературную работу. А вернувшись в Москву, поступил в Литературный институт.

На фронт он был призван за два месяца до окончания первого курса. В книге учета полка, в котором служил Мур, было записано: «Красноармеец Георгий Эфрон убыл в медсанбат по ранению 7.7.44 г.».

Это все, что нам известно о Муре...

Ю. Кириленко

Стихотворения 1908–1916

Книги в красном переплете

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплете.

Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам, бывало.
– Уж поздно! – Мама, десять строк!.. —
Но, к счастью, мама забывала.

Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.

Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...

Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.

Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком – корона...
Вдруг – нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»

Ушел во тьму, кто в ней возник,
Британии печальны судьбы...
– О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?

О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гек Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

<1908–1910>

Следующей

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, —
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика, баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат.
Коснись его движением сестер.
Но если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:

Его мечты боязнию не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:
Люби без мер и до конца люби!

<1909–1910>

Зимой

Снова поют за стенами
Жалобы колоколов...
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Город во мгле засыпает,
Серп серебристый возник,
Звездами снег осыпает
Твой воротник.
Ранят ли прошлого зовы?
Долго ли раны болят?
Дразнит заманчиво-новый,
Блещущий взгляд.
Сердцу он (карий иль синий?)
Мудрых важнее страниц!
Белыми делает иней
Стрелы ресниц...
Смолкли без сил за стенами
Жалобы колоколов.
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Месяц склоняется чистый
В души поэтов и книг,
Сыплется снег на пушистый
Твой воротник.

<1909–1910>

В Париже

Домá до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас,
Везде, везде все пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана,
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский,
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик-Рейхштадтский
И Сара – все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль, как прежде, глубока.

Париж, июнь 1909

Молитва

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
«Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки,
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

Таруса, 26 сентября 1909

«Мы с тобою лишь два отголоска...»

Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.

Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора, —
Только тайны утраченной жаль!

От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

<1911>

Кошки

Максу Волошину

Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли.
Но боль пришла – их нету боле:
В кошачьем сердце нет стыда!

Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли:
В кошачьем сердце рабства нет!

Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной доле,
Единый миг – они на воле:
В кошачьем сердце нет любви!

<1911>

Душа и имя

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!

В круженье вальса, под нежный вздох
Забыть не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!

Поет огнями манящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал:
Морская она, морская!

<1911>

«Ах, золотые деньки!..»

Ах, золотые деньки!
Где уголки потайные,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?

Старые липы в цвету,
К взрослому миру презренью
И на жаровне варенье
В старом саду.

К Богу идут облака:
Лентой холмы огибая,
Тихая и голубая
Плещет Ока.

Детство верни нам, верни
Все разноцветные бусы, —
Маленькой, милой Тарусы
Летние дни.

<1911>

Домики старой москвы

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пальцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, —
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

<1911>

«Моим стихам, написанным так рано...»

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти
– Нечитанным стихам! —

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Коктебель, май 1913

«Идешь, на меня похожий...»

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, —
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь,
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Коктебель, 3 мая 1913

«Вы, идущие мимо меня...»

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох.

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы – если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

«Мальчиком, бегущим резво...»

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

«Шалость – жизнь мне,
имя – шалость!
Смейся, кто не глуп!»
И не видели усталость

Побледневших губ.
Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
– Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была – как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль.

Скрип песка под зубом или
Стали по стеклу...
– Только Вы не уловили
Грозную стрелу

Легких слов моих и нежность
Гнева напоказ...
Каменную безнадежность
Всех моих проказ!

19 мая 1913

«Я сейчас лежу ничком...»

Я сейчас лежу ничком
– Взбешенная! – на постели.
Если бы вы захотели
Быть моим учеником,

Я бы стала в тот же миг
– Слышите, мой ученик? —

В золоте и серебре
Саламандра и Ундина.
Мы бы сели на ковре
У горящего камина.

Ночь, огонь и лунный лик...
– Слышите, мой ученик? —

И безудержно – мой конь
Любит бешеную скачку! —
Я метала бы в огонь
Прошое – за пачкой пачку:

Старых роз и старых книг.
– Слышите, мой ученик? —

А когда бы улеглась
Эта пепельная груда, —
Господи, какое чудо
Я бы сделала из вас!

Юношей воскрес старик!
– Слышите, мой ученик? —

А когда бы вы опять
Бросились в капкан науки,
Я осталась бы стоять,
Заломив от счастья руки,

Чувствуя, что ты – велик!
– Слышите, мой ученик?

1 июня 1913

«Идите же! – мой голос нем...»

Идите же! – мой голос нем,
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает вас
Высокородный стих.
Вы можете – из-за других —
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуют сил...
Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла!

11 июля 1913

«Стать тем, что никому не мило...»

Стать тем, что никому не мило,
– О, стать как лед! —
Не зная ни того, что было,
Ни что придет,

Забывать, как сердце расколосось —
И вновь срослось,
Забывать свои слова, и голос,
И блеск волос.

Браслет из бирюзы старинной —
На стебельке:
На этой узкой, этой длинной
Моей руке...

Как, зарисовывая тучку
Издалика,
За перламутровую ручку
Бралась рука,

Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забывать, как рядом по дороге
Бежала тень.

Забывать, как пламенно в лазури,
Как дни тихи...
– Все шалости свои, все бури
И все стихи!

Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.

И не раскроются – так надо —
– О, пожалей! —
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей —

Мои опущенные веки.
– Ни для цветка! —
Моя земля, прости навеки,
На все века!

И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Феодосия, сочельник, 1913

Генералам двенадцатого года

Сергею Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери, вчера —
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера!

Вам все вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О молодые генералы
Своих судеб!

—

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик.

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...

О, как мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке

Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало – трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы все могли!

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее —
И весело переходили
В небытие.

Феодосия, 26 декабря 1913

«Над Феодосией угас...»

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.

Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

Феодосия, 14 февраля 1914

«Я с вызовом ношу его кольцо!...»

С. Э.

Я с вызовом ношу его кольцо!
– Да, в Вечности – жена, не на бумаге. —
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза – прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями раскинутых бровей —
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна,
– Всем вам, кто жил и умирал
без страху!
Такие – в роковые времена —
Слагают стансы – и идут на плаху.

Коктебель, 3 июня 1914

Бабушке

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица
Локоны, в виде спирали.

Темный, прямой и взискательный
взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей – сколько? —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
– Бабушка! – Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от вас ли?..

4 сентября 1914

«Осыпались листья над вашей могилой...»

П. Э.

Осыпались листья над вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы все-таки мой.

Смеетесь! – В блаженной крылатке
дорожной!
Луна высока.
Мой – так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я вас целовала! Я вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду вас с вокзала —
Домой!

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И если для целого мира вы мертвы,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, – чую вас всюду,
– Чту ленты от ваших венков! —
Я вас не забыла и вас не забуду
Во веки веков.

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
– Письмо в бесконечность.
– Письмо в беспредельность. —
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

Анне Ахматовой

Узкий, нерусский стан —
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной четкой линией.
Холод – в веселье, зной —
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь – озноб,
И завершится – чем она?
Облачный – темен – лоб
Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть – безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час, —
Кажется, четверть пятого, —
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

11 февраля 1915

«Мне нравится, что вы больны не мной...»

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть
смешной —
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.
Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!
Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня – не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами, —
За то, что вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не вами!

3 мая 1915

«Милый друг, ушедший дальше, чем за море!..»

Милый друг, ушедший дальше, чем за море!
– Вот вам розы, – протянитесь на них! —
Милый друг, унесший самое, самое
Дорогое из сокровищ земных!
Я обманута, и я обокрадена, —
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного – навеки – лица.
Как мне памятен просящий
и пристальный
Взгляд, поближе приглашающий сесть,
И улыбка из великого Издали, —
Умиряющего светская лесть...
Милый друг, ушедший в вечное плаванье,
– Свежий холмик меж других бугорков, —
Помолитесь обо мне в райской гавани, —
Чтобы не было других моряков.

5 июня 1915

«Спят трещотки и псы соседовы...»

Спят трещотки и псы соседовы, —
Ни повозок, ни голосов.
О возлюбленный, не выведывай,
Для чего развожу засов.
Юный месяц идет к полуночи:
Час монахов – и зорких птиц,
Заговорщиков час – и юношей,
Час любовников и убийц.

Здесь у каждого мысль двоякая,
Здесь, ездок, торопи коня.
Мы пройдем, кошельком не звякая
И браслетами не звеня.

Уж с домами дома расходятся,
И на площади спор и пляс...
Здесь, у маленькой Богородицы,
Вся Кордова в любви клялась.

У фонтана присядем молча мы
Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими
Ты нацелился мне в лицо.

Запах розы и запах локона,
Шелест шелка вокруг колен...
О возлюбленный, – видишь, вот она —
Отравительница! – Кармен.

5 августа 1915

«Заповедей не блюла, не ходила к причастью...»

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
Видно, пока надо мной не пропоют литию,
Буду грешить – как грешу – как грешила:
со страстью!
Господом данными мне чувствами —
всеми пятью!

Други! Сообщники! Вы, чьи наущения – жгучи!
Вы, сопреступники! – Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, —
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

26 сентября 1915

«Два солнца стынут – о Господи, пощади!..»

Два солнца стынут – о Господи, пощади! —
Одно – на небе, другое – в моей груди.

Как эти солнца – прощу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут – не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

5 октября 1915

«Цыганская страсть разлуки!..»

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь – уж рвешься прочь.
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

«Никто ничего не отнял...»

Никто ничего не отнял —
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую Вас через сотни
Разъединяющих верст.

Я знаю: наш дар – неравен.
Мой голос впервые – тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:
– Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не шурясь, —
Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих лет.

12 февраля 1916

«Ты запрокидываешь голову...»

Ты запрокидываешь голову —
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

Позвякивая карбованцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.

Чьи руки бережные трогали
Твои ресницы, красота,
Когда, и как, и кем, и много ли
Целованы твои уста —

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол сию мечту.
В тебе божественного мальчика, —
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай
И сердце зажимай в горсти...
– Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник – прости!

18 февраля 1916

«Откуда такая нежность?..»

Откуда такая нежность?
Не первые – эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала – темней твоих.

Всходили и гасли звезды
(Откуда такая нежность?),
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие песни
Я слушала ночью темной
(Откуда такая нежность?)
На самой груди певца.

Откуда такая нежность?
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами – нет длинней?

18 февраля 1916

«Четвертый год...»

Четвертый год.
Глаза – как лед.
Брови – уже роковые.
Сегодня впервые
С кремлевских высот
Наблюдаешь ты
Ледоход.

Льдины, льдины
И купола.
Звон золотой,
Серебряный звон.
Руки – скрещены,
Рот – нем.
Брови сдвинув – Наполеон! —
Ты созерцаешь – Кремль.

– Мама, куда – лед идет?
– Вперед, лебеденок!
Мимо дворцов, церквей, ворот —
Вперед, лебеденок!
Синий
Взор – озабочен.
– Ты меня любишь, Марина?
– Очень!
– Навсегда?
– Да.
Скоро – закат,
Скоро – назад:
Тебе – в детскую, мне —
Письма читать дерзкие,
Кусать рот.

А лед
Все
Идет.

24 марта 1916

«За девками доглядывать, не скис...»

За девками доглядывать, не скис
Ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Ссылая в узкогорлые бутылки.

Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками,
с крестным.

Кормилица с крикливым петухом
В переднике – как ночь ее повойник! —
Докладывает древним шепотком,
Что молодой – в часовенке – покойник.

И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой,
И яблони – что ангелы – белы,
И голуби на них – что ладан – сизы.

И странница, прихлебывая квас
Из ковшика, на краешке лежанки,
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

26 марта 1916

Стихи о Москве

1

Облака – вокруг,
Купола – вокруг.
Надо всей Москвой —
Сколько хватит рук! —
Возношу тебя, бремя лучшее,
Деревцо мое
Невесомое!

В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой мне
Будет радостно, —
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!

Ты постом – говей,
Не сурьми бровей,
И все сорок – чти —
Сороков церквей.

Исходи пешком – молодым шажком! —
Все привольное
Семихолмие.

Будет твой черед:
Тоже – дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же – вольный сон, колокольный звон,
Зори ранние
На Ваганькове.

31 марта 1916

2

Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный
брат.

По цёрковке – все сорок сороков
И реющих над ними голубков;

И Спасские – с цветами – воротá,
Где шапка православного снята;

Часовню звездную – приют от зол, —
Где вытертый – от поцелуев – пол;

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.

К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.

Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола,

И на тебя с багряных облаков
Уронит Богородица Покров,

И встанешь ты, исполнен дивных сил...
– Ты не раскаешься, что ты меня любил.

31 марта 1916

3

Мимо ночных башен
Площади нас мчат.
Ох, как в ночи страшен
Рев молодых солдат!

Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
Ох, этот рев зверский!
Дерзкая – ох! – кровь.

Мой – рот – разгарчив
Даром что свят – вид.
Как золотой ларчик,
Иверская горит.

Ты озорство прикончи
Да засвети свечу,
Чтобы с тобой нонче
Не было – как хочу.

31 марта 1916

4

Настанет день – печальный, говорят! —
Отцарствуют, оплачут, отгорят, —
Остужены чужими пятаками, —
Мои глаза, подвижные, как пламя.
И – двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое лицо проступит – лик.

О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!

А издали – завизжу ли и вас? —
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуи, о живые,
Я ничего не возражу – впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску.
Святая у меня сегодня Пасха.

По улицам оставленной Москвы
Поеду – я, и побредете – вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет, —
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.

И ничего не надобно отныне
Новопреставленной боярыне Марине.

11 апреля 1916

5

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибор

Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и Вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари: колокола.

Пока они гремят из синевы —
Неоспоримо первенство Москвы.

– И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916

6

Над синевой подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы Калужскою дорбгой, —

Калужской – песенной – привычной, и она
Смывает и смывает имена
Смиранных странников, во тьме поющих
Бога.

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской, —

Надену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь – и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по Калужской.

Троицын день, 1916

7

Семь холмов – как семь колоколов,
На семи колоколах – колокольни.
Всех счетом: сорок сороков, —
Колокольное семихолмие!

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом – пряник, а вокруг плетень
И церквочки златоголовые.

И любила же, любила же я первый звон —

Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.

– Провожай же меня, весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землей московскою!

8 июля 1916

8

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем – нож.
Издалека – далече —
Ты все же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болесьть —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце,
Червонное, горит.

И льется аллилуйя
На смуглые поля.
– Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

Александров, 8 июля 1916

«Красною кистью...»

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доньне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

«Коли милым назову – не соскучишься...»

Коли милым назову – не соскучишься.
Превеликою сльву – поцелуйщицей.
Коль по улице плыву – бабы морщатся:
Плясовницею сльву, да притворщицей.

А немилый кто взойдет, да придвинется —
Подивится весь народ – что за схимница,
Филин ухнет – черный кот оцетинится,
Будешь помнить цельный год —
чернокнижницу.

Хорошо, коль из ружья метко целятся,
Хорошо, коли братья верно делятся,
Коли сокол в мужья метит – де вица...
Плясовница только я да свирельница.

Коль похожа на жену – где повойник мой?
Коль похожа на вдову – где покойник мой?
Коли суженого жду – где бессонница?
Царь-Девницею живу, беззаконницей!

3 апреля 1916

«Веселись, душа, пей и ешь!..»

Веселись, душа, пей и ешь!
А настанет срок —
Положите меня промеж
Четырех дорог.

Там, где во поле во пустом
Воронье да волк,
Становись надо мной крестом,
Раздорожный столб!

Не чуралася я в ночи
Окаянных мест.
Высоку надо мной торчи,
Безымянный крест.

Не один из вас, други, мной
Был и сыт и пьян.
С головою меня укрой,
Полевой бурьян.

Не зажигайте свечу
Во церковной мгле.
– Вечной памяти не хочу
На родной земле!

4 апреля 1916

Бессонница

1

Обвела мне глаза кольцом
Теневым – бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.

То-то же! По ночам
Не молись – идолам!
Я твою тайну выдала,
Идолопоклонница.

Мало – тебе – дня,
Солнечного огня!

Пару моих колец
Носи, бледноликая!

Кликала – и накликала
Теневой венец.

Мало – меня – звала?
Мало – со мной – спала?

Ляжешь, легка лицом.
Люди поклонятся.
Буду тебе чтецом
Я, бессонница:

– Спи, успокоена,
Спи, удостоена,
Спи, увенчана,
Женщина.

Чтобы – спалось – легче,
Буду – тебе – певчим:

– Спи, подруженька
Неугомонная,
Спи, жемчужинка,
Спи, бессонная.

И кому ни писали писем,
И кому с тобой ни клялись мы...

Спи себе.

Вот и разлучены
Неразлучные.
Вот и выпущены из рук
Твои рученьки.
Вот ты и отмучилась,
Милая мученица.

Сон – свят.
Все – спят.
Венец – снят.

8 апреля 1916

2

Руки люблю
Целовать, и люблю
Имена раздавать,
И еще – раскрывать
Двери!
– Настежь – в темную ночь!

Голову сжав,
Слушать, как тяжкий шаг
Где-то легчает,
Как ветер качает
Сонный, бессонный
Лес.

Ах ночь!
Где-то бегут ключи,
Ко сну – клонит.
Сплю почти.
Где-то в ночи
Человек тонет.

27 мая 1916

3

В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь.
И люди думают: жена, дочь, —
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие груди – в грудь.

Есть черный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому – вслед,
И тень вот эта, а меня – нет.

Огни – как нити золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.

Москва, 17 июля 1916

4

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим – ничьим.
В медленных жилах еще занывают стрелы —
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки,
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга – в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, – и от темной ночи
Только одно темнеет у нас – глаза.

19 июля 1916

5

Нынче я гость небесный
В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.

Где-то в ночи подковы
Взрывали траву.
Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
С нежностью всей,
Про сторожа-гуся
И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсти,
Пес был – сед.
Потом, к шести,
Начался рассвет.

20 июля 1916

6

Сегодня ночью я одна в ночи —
Бессонная, бездомная черница! —
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной столицы!

Бессонница меня толкнула в путь.
– О, как же ты прекрасен, тусклый
Кремль мой!
Сегодня ночью я целую в грудь —
Всю круглую воющую землю!

Вздымаются не волосы – а мех,
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех, —
Кого жалеют и кого целуют.

1 августа 1916

7

Нежно-нежно, тонко-тонко
Что-то свистнуло в сосне,
Черноглазого ребенка
Я увидела во сне.

Так у сосенки у красной
Каплет жаркая смола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.